

Отношения аграрной общности к другим отраслям социальной науки*

Макс Вебер

Тимофей Дмитриев
(переводчик)

Кандидат философских наук, доцент, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: t-dmitriev@hse.ru

Предлагаемый вниманию читателя перевод представляет собой текст доклада Макса Вебера «The Relations of the Rural Community to Other Branches of Social Science», прочитанного в Сент-Луисе (штат Миссури, США) в сентябре 1904 г. В нем Вебер рассматривает несколько сквозных тем, характерных для его понимания модерна. Первая из них — самая узкая — связана с трансформацией аграрного строя в Германии и значением «аграрного вопроса» для исторических судеб немецкой нации в контексте различий между востоком, западом и югом страны. Вторая важная тема доклада — анализ общей динамики становления и развития модерна на европейском континенте в свете противостояния двух структурных начал, которые Вебер обозначает с помощью понятий «традиция» и «капитализм». Наконец, третья сквозная тема, затрагиваемая в докладе, сравнительный анализ европейского и американского модерна, который принимает у Вебера форму сравнительно-исторической социологии. Доклад публикуется в переводе на русский язык впервые.

Ключевые слова: Макс Вебер, аграрный строй, традиция, капитализм, модерн, Германская империя, Соединенные Штаты Америки, европеизация, американизация

Ваш комитет пригласил меня для того, чтобы я сделал доклад об «аграрной общности». Эту последнюю я понимаю исключительно как «аграрное общество» в его противоположности городу и промышленности как другим темам вашей программы. Ваше пожелание нельзя исполнить, если понимать его буквально. Социальный строй аграрных регионов наиболее индивидуально и тесно связан с исто-

* Перевод выполнен по изданию: Weber M. (1906). The Relations of Rural Community to Other Branches of Social Science // Rogers H. J. (ed.). Congress of Arts and Science: Universal Exposition. St. Louis, 1904. Vol. 7. Boston: Houghton, Millin and Co. P. 725–746. Сверка перевода осуществлена по изданию: Weber M. (1998 [1904]). The Relations of the Rural Community to Other Branches of Social Science // Weber M. Gesamtausgabe. Abt. 1. Schriften und Reden. Bd. 8: Wirtschaft, Staat und Sozialpolitik: Schriften und Reden 1900–1912 / Hrsg. von W. Schluchter in Zusammenarbeit mit P. Kurth und B. Morgenbrod. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck). S. 212–243. Выборочно использованы также комментарии к данному изданию. При подготовке перевода учтена также критическая комментированная публикация доклада 1904 г., осуществленная Питером Гошем: Ghosh P. (2005). Max Weber on the «Rural Community»: A Critical Edition of the English Text // History of European Ideas. Vol. 31. № 3. P. 327–366. Слова в квадратных скобках вставлены переводчиком. Комментарии к тексту, данные в сносках, за исключением особо оговоренных, также принадлежат переводчику.

рическим развитием всех социальных общностей. Нет никакого смысла в том, чтобы говорить одновременно об аграрных условиях России, Ирландии, Сицилии, Венгрии и «Черного пояса»¹. Однако даже если бы я ограничился районами с развитой капиталистической культурой, то вряд ли можно было бы трактовать этот вопрос с какой-то одной общей точки зрения. Ведь аграрное общество, отделенное от городской социальной общности, не существует в настоящее время в большей части современного культурного мира². Оно уже не существует в Англии, разве что, может быть, в умах некоторых мечтателей. Постоянный собственник земли, лендлорд, ныне не сельский хозяин, а арендодатель; временный владелец, наниматель или арендатор — предприниматель такой же капиталист, как и все прочие. Работниками обычно являются сезонные рабочие-мигранты; к ним надо добавить еще и поденщиков, которые принадлежат к тому же классу, что и все прочие пролетарии. Все они собираются вместе на какое-то время, а затем снова расходятся. Если и существует особая аграрная социальная проблема, то она заключается исключительно в том, возможно ли, и если да, то каким образом, чтобы снова возникла прочная и долговечная аграрная общность, которая ныне больше не существует.

Однако даже в Соединенных Штатах, по крайней мере в обширных регионах, производящих зерновые, не существует того, что можно было бы назвать «аграрной общностью». Ни старый город Новой Англии, ни мексиканская деревня, ни бывшие рабовладельческие плантации не определяют больше облик страны. Ушли в прошлое первобытные леса и прерии, в которых довелось жить первым поселенцам. Американский фермер — такой же предприниматель, как и все прочие. Конечно, у фермеров существует множество проблем, по большей части носящих технический характер или же связанных с политикой путей сообщения, которые играли свою роль в политической жизни и стали предметом превосходного об-суждения американских исследователей.

Тем не менее нет особой аграрной проблемы как таковой. Она перестала существовать после отмены рабства и решения вопроса о том, как следовало распределить огромные запасы земли, находившиеся в руках Союза³. Нынешние слож-

1. «Черным поясом» (Black Belt) в США принято называть сельские районы с богатыми черноземными почвами в штатах Алабама и Миссисипи. Производное значение этого выражения обозначает сельские районы с преобладанием негритянского населения в штатах Южная Каролина, Джорджия, Алабама, Миссисипи и Луизиана.

2. Так в английском переводе доклада Вебера. У самого Вебера везде, где в тексте доклада речь идет о старых «цивилизированных» нациях или «цивилизированном» мире, предполагается не понятие «цивилизация», которое в мире модерна имеет явно выраженное французское происхождение, но, напротив, имевшее широкое хождение в германском академическом мире понятие «культура» (*Kultur*). Об этой понятийной особенности переводимого текста см.: Ghosh P. (2005). Max Weber on the «Rural Community»: A Critical Edition of the English Text // *History of European Ideas*. Vol. 31. № 3. P. 347–348.

3. Комментаторы Max Weber Gesamtausgabe считают, что речь идет о передаче земель на Юге в руки бывших рабов после окончания Гражданской войны (*Weber M. Gesamtausgabe. Abt. 1. Schriften und Reden. Bd. 8: Wirtschaft, Staat und Sozialpolitik: Schriften und Reden 1900–1912. Tübingen: J. C. B. Mohr (Paul Siebeck), 1998. S. 213, Anm. 5*). Однако можно предположить, что в данном случае Вебер имеет в виду скорее политику раздачи «гомстедов», инициированную администрацией президента Авраама

ные социальные проблемы в сельских районах Юга обусловлены этническими, а не экономическими причинами. Как бы ни были важны вопросы, касающиеся орошения, железнодорожных тарифов, законов о гомстедах⁴ и т. д., вы не сможете построить на их основе теорию аграрной общности как особого социального образования: правда, нельзя исключать того, что в будущем ситуация изменится. Однако если и есть что-то характерное в аграрных условиях великих штатов Америки, производящих пшеницу⁵, то это, грубо говоря, — абсолютный индивидуализм фермерского хозяйства, где фермер — это сугубо деловой человек. На европейском континенте все обстоит совершенно иначе, поэтому было бы лучше попытаться кратко объяснить, в чем состоит это различие и каковы его причины. Оно обусловлено особыми последствиями капитализма в странах со старой культурой и более высокой плотностью населения в них. Если нация, подобная немецкой, численно лишь немногим меньше, чем белое население Соединенных Штатов, но при этом располагается на территории, которая по своему размеру меньше штата Техас, то, коль скоро эта нация была создана и вынуждена поддерживать свое политическое положение и значение своей культуры для мира на этой узкой, ограниченной основе, способ распределения земли приобретает определяющее значение при дифференциации общества и всех экономических и политических условий страны. Вследствие перенаселения и более низкой стоимости неквалифицированной рабочей силы возможности быстро сделать себе состояние иным путем, нежели получить наследство, ограничены. Тем самым социальная дифференциация оказывается как бы застывшей; такая судьба ожидает и вашу страну. Это усиливает власть исторической традиции, которая, что естественно, сильнее всего проявляется в аграрном производстве, в рамках которого «закон уменьшающегося плодородия почвы»⁶, более строгие ограничения, накладываемые природными рамками и условиями производства, постоянная лимитированность качества и количества средств производства, ведут к уменьшению влияния технических революций. Несмотря на технический прогресс, производство здесь хуже поддается рационализации за счет чисто рационального разделения и концентрации труда, ускорения оборота капитала и замены органической составляющей сырья и рабо-

Линкольна в годы Гражданской войны в США (1861–1865). В мае 1862 г. президент Линкольн подписал Закон о гомстедах (Homestead Act), по которому гражданин страны или лицо, выразившее желание стать им, практически безвозмездно получал право на участок земли размером до 160 акров (порядка 65 га), который выделялся из фонда государственных земель. Участок переходил в полную собственность владельца спустя пять лет. Всего по этому закону американские переселенцы получили 56 млн акров земли.

4. См. выше сн. 3.

5. Речь идет о так называемом «Wheat Belt», или «пшеничном поясе». Это — общее название штатов США, основной сельскохозяйственной культурой которых является пшеница: Канзас, Оклахома, Миннесота, Северная Дакота и др.

6. Согласно закону уменьшающегося плодородия почвы, каждое дополнительное приложение к земле капитала и труда дает меньший по сравнению с предыдущими вложениями эффект, а после достижения определенного предела получение дополнительного эффекта вообще становится невозможным. Впервые этот закон был сформулирован в XVIII веке французским экономистом А. Р. Ж. Тюро и несколько позже — английским экономистом Э. Уэстом.

чей силы на неорганическое сырье и механические средства труда. Эта неизбежно преобладающая власть традиции в сельском хозяйстве способствует созданию и сохранению на европейском континенте типов сельского населения, которые не существуют в такой новой стране, какой являются Соединенные Штаты; к подобному типу относится в первую очередь европейский крестьянин.

Этот крестьянин совершенно отличен от фермера, характерного для Англии или Америки. Сегодня английский фермер представляет собой порой довольно серьезного предпринимателя и производителя, работающего на рынок; как правило, он является арендатором своего земельного надела. Американский фермер — это сельский хозяин, который чаще всего приобрел, путем покупки или как первый поселенец, землю себе в собственность; иногда он также арендует ее. Он производит для рынка — здесь [в Америке] рынок старше, чем сам производитель. Европейский крестьянин старого типа был человеком, который по большей части унаследовал землю и работал в основном для того, чтобы удовлетворить свои собственные потребности. Рынок в Европе моложе, чем сам производитель. Конечно же, многие годы крестьянин продавал излишки своей продукции и, хотя он и пряд, и ткал, тем не менее не мог удовлетворить свои потребности своим собственным трудом. Он, подобно деловому человеку, не производил, чтобы получить прибыль, поскольку прошлые две тысячи лет не научили его этому. Вплоть до времен Французской революции в европейском крестьянине было принято видеть орудие, служащее целям поддержки определенных правящих классов. Прежде всего в его обязанность входило обеспечивать, и желательно подешевле, ближайший город продуктами. Город запрещал, как только мог, торговлю на селе и экспорт зерновых, пока не были в достаточной степени обеспечены его бюргеры. Такое положение дел сохраняется вплоть до конца XVIII века; ведь искусственное содержание городов за счет деревни также было принципом правителей, которые желали, чтобы деньги оставались в их стране, а налоги давали большие сборы. Более того, крестьянин был вынужден также содержать, за счет отработок и уплаты налогов, еще и землевладельца, который был не только верховным владельцем его земли, но еще и очень часто — права на тело крестьянина⁷. Так было вплоть до революций 1789 и 1848 годов. Еще одной обязанностью крестьянина была уплата налогов за имение своего политического господина — от которых рыцарь был освобожден — и поставка рекрутов в армию, тогда как города были освобождены от этой повинности. Так было до тех пор, пока в XIX веке не отменили эти налоговые привилегии и не ввели всеобщую воинскую повинность.

7. Макс Вебер описывает в данном случае формы господства земельной аристократии над зависимыми от нее крестьянами, в рамках которых большинство крестьян владели своими дворами не как свободной собственностью, но несли определенные повинности и обязанности перед своим господином как верховным владельцем земли. Помимо работы на себя господин обладал и определенной властью над крестьянами, что находило свое выражение прежде всего в запрете свободного ухода крестьян от него. Со временем эти формы несвободы, которые изменялись от региона к региону, получили название «крепостного права» (*Leibeigenschaft*). — *Прим. нем. изд.*

Наконец, крестьянин находился в зависимости от сельской производящей общности, в которую его поместил переход к полукommунистическому оседлому образу жизни тысячи лет тому назад. Он не мог распоряжаться [землей] так, как хотел, но только так, как предписывала ему сложившаяся система севооборота (the primeval rotation of crops)⁸. Такое положение сохранялось вплоть до распада этих полукommунистических уз. Однако даже после упразднения этой юридической зависимости крестьянин не смог стать рациональным мелким сельскохозяйственным производителем, похожим на американского фермера. Помимо этого деревенского уклада с его характерной противоположностью индивидуальному поселению американского фермера, множество древних коммунистических установлений, связанных с использованием лесами, водой, пастбищами и даже пахотной землей, которые необычайно крепко объединяют крестьян и привязывают их к унаследованной форме хозяйства, благополучно пережили освобождение крестьян. Однако к этим пережиткам прошлого, которых никогда не знала Америка, сегодня добавились еще несколько факторов (с которыми в свое время придется столкнуться и Америке). Речь идет о тех последствиях, которые капитализм производит в полностью заселенных старых культурных странах. Ограниченность территории ведет к особой высокой социальной оценке владения землей и к стремлению сохранить ее по наследству за своей семьей. Избыток рабочей силы уменьшает стремление к экономии труда за счет применения машин. Там, где вследствие миграции в города или отъезда за границу рабочая сила стала дефицитной и дорогой, там высокие цены на землю за счет ее покупки и разделов наследства уменьшают капитал покупателя. Нажить себе состояние, занимаясь сельским хозяйством, в Европе сегодня невозможно. Время, когда это можно было сделать в Соединенных Штатах, подходит к концу. Не будем забывать, что современная горячка капиталистической культуры связана с безрассудным потреблением природных ресурсов, которым нет замены. Добыча угля и руды продлится еще какое-то время, какое точно — сегодня сложно определить. Использование новых сил [и] земли, пригодной для обработки, и здесь будет подходить к концу; в Европе ее вообще не осталось. Сельскохозяйственный производитель не может надеяться на то, что ему как хозяину удастся получить за свою работу что-то большее, нежели довольно скромное вознаграждение за свой труд. В Европе, как в зна-

8. Мысль, которую Вебер имеет в виду в данном случае, можно прояснить ссылкой на его поздний лекционный курс «История хозяйства». «Трехполье состоит в том, — говорит Вебер, — что вся деревенская пашня делится на три части, из которых первая засеивается озимыми злаками, вторая одновременно предназначена для яровых, третья оставляется под паром и (по крайней мере, в историческое время) унавоживается. Каждый год полосы по очереди меняют свое назначение, так что занятая озимыми на следующий год засеивается яровыми, еще на следующий остается под паром и т. д. Для скота на зиму заготавливается стойловый корм, летом он идет на пастбище. При таком порядке хозяйства исключена возможность того, чтобы отдельный человек предпринял нечто отличное от всей деревенской общины: его действия принудительно определяются ею» (Вебер М. История хозяйства. Город. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. С. 29).

чительной степени и в этой стране⁹, ему вряд ли стоит рассчитывать на великие шансы, даруемые спекулятивным деловым талантом.

Мощной ударной волне современной капиталистической конкуренции противостоит в сельском хозяйстве консервативная тенденция, и именно восходящий капитализм в старых культурных странах способствует ее усилению. Использование земли для вложений капитала и падающая ставка процента в связи с традиционно высокой социальной оценкой сельскохозяйственных земель поднимает стоимость земельной собственности до таких высот, что цену, уплачиваемую за обрабатываемые земли, можно, *à fonds perdu*, называть, так сказать, *entrée*, т. е. вступительным взносом в данную социальную страту. Тем самым капитализм ведет к увеличению числа простых арендаторов земли за счет увеличения капитала, необходимого для осуществления сельскохозяйственной предпринимательской деятельности. Таковы те характерные противоположные следствия, порождаемые капитализмом; и эти противоположные тенденции сами собой ведут к тому, что «равнинные земли» (*flat land*) в Европе выглядят опорой особого «аграрного общества». И потому различия, с учетом условий старых культурных стран, порождаемые капитализмом, имеют характер культурной тяжбы¹⁰. В ней сталкиваются две социальные тенденции, опирающиеся на совершенно разные основы. Старый хозяйственный строй вопрошал: «Как я могу, на данной земле, послужить приложению труда наибольшего числа людей и дать им пропитание?» Капитализм задается вопросом: «Как я могу собрать максимальный урожай с этой земли с целью его продажи на рынке, задействовав при этом как можно меньше рабочих рук?» С технико-экономической точки зрения капитализма старые крестьянские поселения в сельской местности страдали от перенаселения. Капитализм собирает свою жатву с земли на шахтах и рудниках, литейных заводах и промышленных предприятиях. Тысячелетия прошлого сопротивляются этому вторжению капиталистического духа.

Эта борьба отчасти принимает, однако, форму мирной трансформации. В том, что касается определенных моментов сельскохозяйственного производства, при условии, что он знает, как ему освободиться от оков традиции, мелкий крестьянин способен адаптироваться к условиям нового хозяйствования. Растущие ставки арендной платы вблизи городов, растущие цены на мясо, молочную продукцию и садовые овощные культуры, интенсивный уход самозанятого мелкого фермера за молодым крупным рогатым скотом в сочетании с высокой стоимостью наемной рабочей силы обычно открывают весьма благоприятные возможности для мелкого фермера, который трудится, не привлекая наемной рабочей силы и рядом с *богатыми промышленными центрами*. Так происходит везде, где процесс производства получает развитие в направлении увеличения интенсивности труда, а не капитала.

9. Вебер имеет в виду Соединенные Штаты Америки.

10. Здесь у Вебера имеет место смысловая аллюзия на политику «*Kulturkampf*», т. е. борьбу канцлера Бисмарка с влиянием Римско-католической церкви в новообразованной Германской империи.

Бывший крестьянин превращается здесь, как мы наблюдаем во Франции и юго-западной Германии, в работника, который владеет своими собственными средствами производства и упорствует в сохранении своей независимости, поскольку интенсивность и высокое качество его труда, помноженное на его личную заинтересованность в нем, равно как и приспособление им своего труда к спросу местного рынка, дает ему экономическое превосходство, которое продолжает существовать даже там, где технически преобладает крупное сельскохозяйственное производство.

Огромный успех образования кооперативов¹¹ среди мелких фермеров в Европе следует отнести на счет тех особых преимуществ, которыми отмечен в ряде отраслей труд мелких самостоятельных сельскохозяйственных производителей в противоположность крупным фермерам, использующим наемный труд. Эти кооперативы доказали, что они являются наиболее эффективными средствами в том, что касается обучения крестьян ведению хозяйства. В то же самое время благодаря этим кооперативам создаются новые сообщества сельских хозяев, которые объединяют крестьян и ведут к изменению образа экономического мышления и восприятия, характерного для той его чисто индивидуалистической формы, которая развивается на почве экономической борьбы за существование в промышленности под давлением конкуренции. Это, опять-таки, становится возможным благодаря тому огромному значению, которое имеют природные условия производства в сельском хозяйстве, его связи со временем, местом и органическими средствами труда, равно как и того, что они не составляют особого секрета; все эти обстоятельства, вместе взятые, снижают, в свою очередь, эффективность индивидуальной конкуренции фермеров друг с другом. Однако там, где подобные условия специфического экономического превосходства мелкого фермерства не существуют в силу того, что по своей значимости самостоятельный труд в качестве фактора проигрывает капиталу, там старый крестьянин борется за свое существование в качестве наймита капитала (*as a hireling of capital*). Именно высокое социальное положение собственника земли подчиняет его капиталу и психологически привязывает его к земле; в старых культурных странах с сильной экономической и социальной дифференциацией потеря земельной собственности означает для крестьянина деградацию. Нередко борьба крестьянина за существование превращается в экономический отбор в пользу наиболее экономных и непритязательных, т. е. в пользу наиболее обделенных в плане культуры. Все дело в том, что давление сельскохозяйственной конкуренции не ощущается тем, кто использует произведенные продукты не на продажу, а для собственного потребления, мало что продает на сторону и по этой причине мало что на стороне приобретает. Тем самым иногда происходит частичный возврат к натуральному хозяйству. Только

11. Под «*rural corporations*» (*нем. ländliche Genossenschaften* — «товарищества») Вебер имеет в виду сельские кооперативы — добровольные объединения крестьян и фермеров в области потребительской, бытовой и кредитной деятельности. В последующем тексте это слово передается более привычным для отечественной аграрной науки начала XX века термином «кооперативы».

с помощью французской «системы двух детей»¹² крестьянин может выжить, на протяжении многих поколений, в качестве мелкого собственника, владеющего переходящим по наследству участком земли. Препятствия, с которыми сталкивается крестьянин, желающий стать современным сельскохозяйственным производителем, настоятельно требуют отделения собственности от управления; земельному собственнику (landlord) капитал необходим для предпринимательства, и он может взять его из хозяйства. Отчасти правительство пытается сбалансировать отношения собственности и владения.

Крестьянин не может оставаться крестьянином, но в то же самое время он не может стать земельным собственником в силу высокой стоимости земли.

Пока еще нет возможности говорить о реальной «борьбе» между капитализмом и властью исторического влияния в этом нашем случае растущего конфликта между капиталом и владением землей. Отчасти это — процесс отбора, отчасти — отбраковки. Совершенно разные условия преобладают там, где неорганизованное множество крестьян бессильно бьется в тисках финансовой власти городов, и там, где над крестьянами стоит аристократическая верхушка, которая борется не только за свое экономическое существование, но еще и за сохранение своего социального положения, которым вековая история одарила этот класс. Подобное положение вещей особенно характерно там, где аристократия не связана с сельскими районами чисто финансовыми интересами, как в случае с английским лордом, или же интересами праздного времяпрепровождения (recreation) и спорта, но где ее представители вовлечены, в качестве сельских хозяев, в экономический конфликт и тем самым тесно связаны с сельской местностью.

В этом случае разлагающие последствия капитализма только нарастают. Поскольку владение землей обеспечивает высокое социальное положение, цена больших земельных владений поднимается значительно выше стоимости того, что может дать их обработка. «Why did God create him in his wrath?» Ответ таков: «Rents! Rents! Rents!» — пишет Байрон об английском лендлорде¹³. И в самом деле, земельная рента составляет экономическую основу аристократий, которые нуждаются в джентльменском, нетрудовом доходе для своего существования. Но

12. В данном случае имеются в виду особенности демографического развития Франции в период после 1740 г. На фоне других европейских стран Францию отличала низкая рождаемость и небольшой прирост населения, которое за двести лет (1740–1940) увеличилось не более чем на треть — с 30 до 40 млн человек и стабилизировалось на этом уровне. За этот же период население других европейских стран удвоилось и утроилось. Этому способствовали социальные и культурные причины — система майоратного права, когда земельная собственность переходила в руки старшего сына, действовала только на севере страны, тогда как на юге земля дробилась между всеми сыновьями. Стремление ограничить земельные разделы вело к тому, что в крестьянских семьях предпочитали довольствоваться одним-двумя детьми. Эта же тенденция действовала и в городах, где средние буржуазные слои предпочитали ограничиваться одним ребенком, чтобы ему можно было дать хорошее образование и «вывести в люди». Отсюда в европейских социальных науках французская модель демографического воспроизводства получила название «системы двух детей».

13. В переводе Ю. Балтрушайтиса этот фрагмент из поэмы лорда Байрона «Бронзовый век» (The Age of Bronze, 1823) передан следующим образом: «Их счастье, свет, их вера, цель забот, / Их жизнь и смерть — доход, доход, доход!»

именно потому, что прусский «юнкер» презирает городское владение деньгами, капитализм превращает его в рентного должника¹⁴. Отсюда сильная и растущая напряженность в отношениях между городом и деревней. Конфликт между капитализмом и традицией оказывается теперь окрашенным политически, поскольку встает вопрос, перейдет ли экономическая и политическая власть окончательно в руки городского капитализма, суждено ли будет небольшим сельским центрам с их политическим руководящим слоем (*intelligence*), отличающимся своей специфически окрашенной социальной культурой¹⁵, прийти в упадок и уступить свое место на поле боя городам как единственным носителям политической, социальной и эстетической культуры. Этот вопрос является одновременно и вопросом о том, будут ли люди, жившие ради политики и государства, как это делала старая, экономически независимая земельная аристократия, сменены подавляющим господством профессиональных политиков, живущих за счет политики и за счет государства. В Соединенных Штатах этот вопрос был решен, по крайней мере на сегодняшний день, одной из самых кровопролитных войн нашего времени, которая привела к разрушению аристократических, социальных и политических центров сельских районов¹⁶. Но даже в Америке, с ее демократическими традициями, заложеными пуританизмом в качестве непреходящего наследия, победа над плантаторской аристократией далась с трудом и стоила больших политических и социальных жертв. Однако проблемы, стоящие перед странами старой культуры, еще сложнее. Ведь здесь борьба между мощью исторических традиций и давлением капиталистических интересов мобилизует социальные силы на борьбу в качестве противников буржуазного капитализма, тогда как такие силы в Соединенных Штатах отчасти отсутствовали, а отчасти стояли на стороне Севера.

Сделаем по поводу этого несколько замечаний.

В странах старой культуры и ограниченных возможностей экономической экспансии стяжательство (*money-making*) и люди, которые им занимаются, с неизбежностью играют менее значимую социальную роль, чем в относительно молодой стране. Значение класса государственных должностных лиц оказывается бóльшим и должно быть таковым в Западной Европе, чем в Соединенных Штатах. Более сложная социальная организация делает для Европы необходимым наличие множества специально обученных должностных лиц, для которых это занятие становится делом всей жизни, в то время как в Соединенных Штатах нечто подобное будет разворачиваться во много меньших масштабах даже после того, как движение за реформу гражданской службы достигнет всех стоящих перед ним

14. Имеется в виду обязательство владельца земельной собственности выплачивать периодически определенные суммы в счет погашения земельно-рентного долга.

15. Речь у Вебера в данном случае идет о «юнкерах» — прусской земельной аристократии, которая традиционно выполняла сперва в Пруссии, а с 1871 г. — в Германской империи руководящие политические и социальные функции, а также предоставляла кадры для офицерского состава армии и гражданского чиновничества.

16. Имеется в виду Гражданская война в США (1861–1865), возникшая в силу стремления ряда южных штатов отделиться от Союза.

целей¹⁷. Юрист и сотрудник администрации в Германии, несмотря на то что здесь обучение в колледже как подготовительная ступень к университету короче и интенсивнее¹⁸, лишь к тридцати пяти годам оказывается способным распрощаться с периодом приготовлений и неоплачиваемой деятельности и наконец получить оплачиваемую должность. Поэтому он может быть выходцем только из состоятельных кругов. С другой стороны, он приучается заниматься неоплачиваемой или низко оплачиваемой службой и находить компенсацию этому в высоком социальном престиже своей профессии; в результате у него складывается характер, который, отстоя довольно далеко от интересов стяжательства, ставит его в ряды противников господства подобных интересов. Если в старых цивилизованных странах, таких как Германия, возникает необходимость в сильной армии, которая нужна для того, чтобы сохранять свою независимость, то с точки зрения политических институтов это означает необходимость оказывать поддержку наследственному династическому правлению. Даже решительный сторонник демократических институтов — каковым являюсь и я сам — не может желать его устранения там, где оно сохранилось. Поскольку для военных государств это — если не единственная, то в любом случае наилучшая, исторически сложившаяся форма (поскольку правитель здесь лично заинтересован в сохранении права и законного правления), позволяющая избежать того цезаристского господства меча, находящегося в руках военных выскочек, которое снова и снова угрожает Франции¹⁹. Наследственная монархия, к которой каждый теоретически может относиться так, как ему будет угодно, обеспечивает в государстве, которому приходится быть военным государством, величайшую свободу граждан, настолько серьезную, какой она только и может быть в условиях монархического правления, и пока династия не вырождается, она будет иметь политическую поддержку большинства нации. Английский парламент очень хорошо понимал, почему предложил Кромвелю корону, а армия — почему она не позволила ему ее принять²⁰. Такая наследственная,

17. Движение за реформу гражданской службы возникло в США в середине 1860-х гг. Оно было направлено против так называемой «spoils system» — практики назначения на государственные должности лиц, лично лояльных победившим на выборах, в том числе президента США, кандидатам. Под давлением движения в 1883 г. была проведена реформа государственной службы (Civil Service Reform), в соответствии с которой на основе Закона Пендлтона о гражданской службе (Pendleton Civil Service Act) в США создана Комиссия гражданской службы США и заложены начала государственной службы, исполняемой назначаемыми, а не выборными государственными чиновниками. В ее основу положена система замещения некоторых федеральных должностей посредством конкурсных экзаменов, которая получила название «системы заслуг» (merit system).

18. Вероятно, по сравнению с США.

19. Вебер в данном случае имеет в виду, скорее всего, ряд эпизодов из истории Третьей республики во Франции, связанных с так называемой «аферой генерала Буланже» (1889). Однако вполне вероятно, что речь идет и о более широком контексте, поскольку Вебер широко использует понятие «цезаризм» по отношению к правлению во Франции двух Наполеонов — Наполеона I Бонапарта (1799/1804–1815) и его племянника Наполеона III (1848/1852–1870), которые пришли к власти, опираясь на поддержку армии, а свое пребывание у власти легитимировали с помощью народных плебисцитов.

20. Речь идет у Вебера об эпизоде Английской революции времен протектората Оливера Кромвеля (1653–1658). Конфликт между избранным в 1653 г. парламентом, с одной стороны, и лордом-про-

наделенная привилегиями династия находится в отношениях естественного сродства с обладателями других социальных привилегий. К подобным консервативным силам в Европе относится церковь; прежде всего это Римско-католическая церковь, которая в европейских странах, даже в силу множества последователей, обладает властью такого значения и характера, который сильно отличается от ее власти в англосаксонских странах; это также и Лютеранская церковь. Обе церкви поддерживают крестьянина, с его консервативным образом жизни, в его противостоянии господству городской рационалистической культуры. Кооперативное движение на селе в значительной степени возглавляется священниками, которые одни способны осуществлять руководство сельскими районами. Церковные, политические и экономические точки зрения переплетаются здесь друг с другом. В Бельгии сельские кооперативы служат орудием клерикальной партии в ее борьбе с социалистами; последних, в свою очередь, поддерживают объединения потребителей и ассоциации производителей. В Италии практически невозможно получить кредит у отдельных кооперативов, не засвидетельствовав свою принадлежность к церкви. Сходным образом и аристократия страны получает поддержку у церкви, хотя Католическая церковь в социальном отношении является сегодня более демократичной, чем прежде. Церковь с удовлетворением относится к патриархальным условиям труда, поскольку они носят личный и человеческий характер, в противоположность чисто коммерческим отношениям, которые создает капитализм. Церковь отдает себе отчет в том, что только отношения между господином и слугой, а не чисто коммерческие условия, создаваемые рынком труда, могут регулироваться этически. Глубокая, исторически обусловленная противоположность, которая всегда отделяла католичество и лютеранство от кальвинизма, усиливает этот антикапиталистический подход европейских церквей²¹.

Наконец, в стране старой культуры «аристократия образования» (*aristocracy of education*), *Bildungsaristokratie*, как она предпочитает называться, представляет собой влиятельный класс населения, лишенный лично окрашенного интереса к экономике; она склонна смотреть более скептически на триумфальное шествие капитализма и критиковать его более рьяно, чем этого следовало бы естественно и справедливо ожидать в стране, подобной, к примеру, Соединенным Штатам.

Коль скоро интеллектуальная и эстетическая культура профессионализируется, ее представители оказываются связанными отношениями внутреннего срод-

тектором Кромвелем и военным командованием — с другой, привел к роспуску парламента спустя пять месяцев после начала его работы. Созванный в сентябре 1656 г. новый парламент в лице своего большинства выступает с планами восстановления монархии и с этой целью предлагает поставить у власти новую династию Кромвелей. Сам Кромвель, к тому времени серьезно разочаровавшийся в республике, колебался, принимать корону или нет, однако, когда в мае 1657 г. в парламент была подана петиция против монархии, подписанная 30 офицерами, в основном высших чинов, он был вынужден окончательно отказаться от предложений принять королевскую корону.

21. Тему противоположности католицизма и лютеранства, с одной стороны, и кальвинизма — с другой, с точки зрения вклада христианских церквей и сект Запада в развитие капиталистического духа Макс Вебер подробно развивает в своей работе «Протестантская этика и дух капитализма».

ства со всеми носителями старинной социальной культуры, поскольку также и для них профессия не может и не должна служить источником барыша, полученного в результате игры слепого случая. Они с недоверием взирают на отмирание традиционных условий жизни общности и на уничтожение бесчисленных этических и эстетических ценностей, с ними связанных. Они также сомневаются в том, что господство капитала способно будет дать лучшие и более прочные гарантии личной свободе и развитию интеллектуальной, этической и социальной культуры, представителями которой они являются, по сравнению с теми гарантиями, которые давала принадлежность к аристократии в прошлом. Они желают, чтобы ими правили люди, чью социальную культуру они считают равновеликой их собственной; по этой причине они оказывают предпочтение господству экономически независимой аристократии, а не господству профессиональных политиков. Сегодня в культурных странах дела складываются следующим образом (и это характерный и в целом ряде отношений серьезный факт): представители высших интересов культуры обращают свой взор к прошлому, с глубокой антипатией относятся к неизбежному развитию капитализма и отказываются от сотрудничества [с ним] в определении контуров будущего. Более того, дисциплинированные массы трудящихся, созданные капитализмом, отличаются естественной склонностью объединяться в классовые партии, коим скоро им больше не доступны для расселения новые территории и коим скоро трудящийся осознает, что ему суждено будет оставаться пролетарием на протяжении всей своей жизни; рано или поздно то же самое произойдет и в этой стране, если уже не произошло²². Правда, прогресс капитализма не будет этим остановлен; шансы на то, что трудящиеся завоюют политическую власть, ничтожно малы. Однако тем самым они ослабят политическую власть буржуа и усилят власть их противников в лице аристократов. Упадок немецкого буржуазного либерализма обусловлен совокупным действием этих мотивов. Тем самым в старых странах, где существует аристократически дифференцированная аграрная общность (a rural community, aristocratically differentiated), возникает целый комплекс социальных и политических проблем. Американец не в состоянии понять важность аграрного вопроса на европейском континенте, особенно в Германии, более того — в немецкой политике, и он придет к совершенно ложным выводам, если не обратится к этим сложнейшим вопросам. В старых странах действует характерная комбинация мотивов, которая и объясняет их отклонение от американских условий. Помимо необходимости масштабных военных приготовлений, существуют еще два важных фактора. *Первый* из них, ничего подобного которому не существовало в большей части Америки, можно

22. Вебер имеет в виду США перспективы появления рабочей партии, в которых он (как и его современник и коллега экономист Вернер Зомбарт) связывал с изменением характера миграционных потоков рабочей силы в США на рубеже XIX–XX веков. После 1880 г. основную массу иммигрантов, вливавшихся в состав американского рабочего класса в качестве его низкоквалифицированных членов, составили выходцы из Южной и Восточной Европы, которые служили благоприятной средой для распространения идей европейского социализма и социальной справедливости.

обозначить как *Rückständigkeit*²³, т. е. влияние постепенно исчезающей старой формы аграрного социального строя. *Второй* фактор, действие которого пока еще не проявило себя в Америке в сколько-нибудь значительных масштабах, но который рано или поздно, как в свое время в Европе, неизбежно даст о себе знать в этой стране с ее постоянно прирастающим на миллионы населением и с увеличением стоимости земли, это — высокая плотность населения, высокая стоимость земли, значительная дифференциация профессий и особые условия, которые являются следствием всего этого. Аграрное общество стран старой культуры противостоит капитализму при этих условиях и в сочетании с влиянием великих политических и социальных сил, которые присутствуют только в старых странах. В этих условиях капитализм в Европе даже сегодня ведет к таким последствиям, которые он сможет произвести в Америке лишь в будущем.

Вследствие всех этих влияний европейский капитализм, по крайней мере на континенте, отмечен характерной печатью авторитарности, что особенно бросается в глаза на фоне гражданского равноправия в Америке и отчетливо ощущается самими американцами. Эти авторитарные тенденции, равно как и антикапиталистические настроения, характерные для различных страт европейского общества, о которых речь шла выше, находят свое социальное выражение в конфликте между земельной аристократией и городскими буржуазными слоями. В то же самое время под воздействием капитализма земельная аристократия претерпевает серьезные внутренние изменения, которые совершенно меняют характер этой аристократии, унаследованный ею от прошлого. Я постараюсь показать, как это происходило в прошлом и как это продолжает происходить в настоящем на примере Германии.

Социальный строй сельских районов в Германии демонстрирует резкие контрасты, которые не преминет заметить любой, кто путешествует по стране: чем дальше на запад и юг, тем плотнее населены сельские районы, тем больше преобладание мелких фермеров, тем более рассредоточенным и разнообразным является сельскохозяйственное производство (*culture*). Чем дальше на восток, и особенно — на северо-восток, тем более обширными становятся посевы зерновых, сахарной свеклы и картофеля, тем больше преобладание крупного сельскохозяйственного производства (*gross culture*), многочисленнее аграрный класс наемных работников-поденщиков, не имеющих собственности, который противостоит землевладельческой аристократии. Это различие чрезвычайно важно.

Класс сельских землевладельцев в Германии, состоящий в основном из дворян, живущих на землях к востоку от Эльбы, политически правит ведущим германским государством²⁴. Прусская палата господ²⁵ представляет этот класс, а избиратель-

23. Отсталость (*нем.*).

24. Вебер имеет в виду Пруссию.

25. Прусская палата господ (*нем.* *das preußische Herrenhaus*) — верхняя палата прусского ландтага. По закону 1855 г., который не претерпел изменений после образования Германской империи в 1871 г., она формировалась из принцев королевского дома, глав династических ветвей дома Гогенцоллернов, князей, графов, баронов и иных представителей наследственной знати, имевших наследственное

ное право дает ему определяющие позиции также и в прусской палате представителей²⁶. Принадлежность к этому классу накладывает свой отпечаток на офицерский корпус армии, равно как и на прусских должностных лиц, и на германскую дипломатию, которая практически исключительно находится в руках дворян. Немецкий студент, усваивающий его образ жизни в студенческих братствах немецких университетов, и даже буржуазные «офицеры запаса», эта растущая часть все более высокообразованных немцев, принадлежат к той же категории. Политические симпатии и антипатии этих классов объясняют многое из того, что касается важных предпосылок германской внешней политики. Их обструкционизм сдерживает прогресс рабочего класса; ведь промышленники сами по себе никогда не были бы достаточно сильны для того, чтобы оказывать противодействие рабочему классу на выборах в Германский *рейхстаг* в условиях демократического избирательного права²⁷. Они служат опорой протекционизму²⁸, которого промышленность не смогла бы добиться одна, своими собственными силами. Они поддер-

право на место в ландтаге, крупнейших землевладельцев четырех старопрусских провинций, особо доверенных должностных лиц, представителей курии господ, т. е. рыцарей-графов от каждой провинции, союзных землевладельцев, университетов, городов. С 1855 г. все члены палаты господ пожизненно назначались прусским королем, который с 1871 г. одновременно был германским императором.

26. Прусская палата представителей (*нем.* das preußische Abgeordnetenhaus) — нижняя палата прусского ландтага. Формировалась путем выборов по так называемой «трехклассной системе» в соответствии с избирательным законом, принятым в Пруссии в мае 1849 г. Правом избирать выборщиков, которые затем избирали депутатов нижней палаты прусского ландтага, пользовались только мужчины, достигшие 30 лет. Для получения активного избирательного права от выборщиков требовалось наличие собственного хозяйства и уплата особого налога. Все избиратели Пруссии были разделены на три группы, или на три «класса». Каждый класс избирал равное число выборщиков. К первому классу были отнесены наиболее крупные налогоплательщики — 153 808 человек, уплачивавших $\frac{1}{3}$ всех налогов. Ко второму классу — 409 945 средних налогоплательщиков, также уплачивавших $\frac{1}{3}$ суммы налогов. К третьему — 2 961 950 избирателей, то есть все остальные налогоплательщики и лица, освобожденные от уплаты налогов. Таким образом, голос одного избирателя первого класса был равен 2,6 голоса избирателей второго класса и 18,7 избирателя третьего класса. «Трехклассный избирательный закон», хотя вопрос о его отмене неоднократно ставился немецкими политиками и интеллектуалами накануне и в ходе Первой мировой войны, был упразднен только Ноябрьской революцией 1918 г.

27. Германский Рейхстаг (*нем.* Reichstag) — с 1871 г. высший однопалатный представительный орган Германской империи. Депутаты рейхстага избирались в ходе прямых и всеобщих выборов с тайным голосованием. Избирательными правами были наделены мужчины в возрасте от 25 лет и старше, за исключением военных. Главным правом рейхстага было рассмотрение и принятие бюджета. Кроме этого, в компетенцию рейхстага входили внесение законов в пределах имперской компетенции, передача имперскому совету и канцлеру направленных им петиций, участие в исполнении бюджетных и финансовых полномочий, одобрение негосударственных договоров в иностранных делах, участие в урегулировании конституционных споров между землями.

28. Начиная с 1879 г. крупные прусские землевладельцы на землях, расположенных к востоку от реки Эльба, выступали в роли защитников высоких пошлин на ввоз зерновых и других продуктов сельского хозяйства. Они видели в высоких тарифах важнейший инструмент защиты от ввоза более дешевого продовольствия из-за океана. По этой причине они были открытыми противниками проводимой в 1890-е гг. при канцлере Лео Каприви политики заключения торговых договоров, ориентированных на облегчение сбыта продукции немецких производителей. Под их давлением в конце 1902 г. рейхстаг принял новый закон о повышении ввозных пошлин на импортный хлеб. — *Прим. нем. изд.*

живают ортодоксию в официальной церкви²⁹. Все, что остается от авторитарных условий, удивляющих иностранцев, которые смотрят только на внешнюю сторону дела и не имеют ни времени, ни возможности, чтобы познакомиться с сущностью немецкой культуры, и служащих причиной ошибочных мнений, которые имеют хождение в западных странах по поводу Германии, является, прямо или косвенно, следствием влияния этих классов. Точно так же многие наиболее важные противоречия нашей внутренней политики основаны на различиях в социальном строе села на западе и на востоке.

Возникает вопрос: как объяснить эти различия исторически, ведь они существовали не всегда? Пять веков назад землевладельцы осуществляли управление социальным строем сельских районов. Какими бы разнообразными ни были условия, определявшие формы зависимости крестьян в рамках этого строя, и каким бы сложным ни был социальный строй села, по крайней мере в одном отношении в XIII и XIV веках здесь превалировала гармония. А именно: обычно широко раскинувшиеся владения феодального господина нигде, даже на востоке, не были связаны с крупным сельскохозяйственным производством (*gross culture*); хотя землевладелец обычно и обрабатывал часть своих земель, их площадь лишь немногим превосходила площадь земель, обрабатываемых крестьянами. Однако при этом большая часть его дохода складывалась из податей, которые платили крестьяне. Одним из самых важных вопросов германской социальной истории является вопрос о том, как из этого относительно плотного единообразия возникло современное разнообразие.

Землевладение было упразднено в начале XIX века, отчасти вследствие Французской революции или идеалов, поднятых ею на щит, отчасти вследствие Революции 1848 [года]; деление прав собственности на землю на помещичьи и крестьянские было отменено, равно как и обязанности крестьян, и налоги с них. Прекрасные исследования профессора Г. Ф. Каппа и его школы показали³⁰, что определяющим для того аграрного строя, который возник вследствие всех этих перемен и продолжает существовать еще и сегодня, был вопрос: как распределялась земельная собственность между помещиками и крестьянами после упразднения

29. Возможно, это намек на «крайнюю правую» группировку внутри Немецкой консервативной партии, состоявшую из крупных ост-эльбских землевладельцев, в кругу которых задавали тон Ханс фон Клейст-Рецов (Hans von Kleist-Retzow) и Мориц фон Бланкенбург (Moritz von Blanckenburg). Ее приверженцы выступали за усиление авторитарных структур евангелической церкви в противовес пресвитерианско-синодальным устремлениям протестантов-либералов. — *Прим. нем. изд.*

30. В данном случае Вебер имеет в виду работы Георга Фридриха Кнаппа, ведущего специалиста в области аграрного развития Пруссии и его учеников: *Knapp G. F.* (1887). *Die Bauern-Befreiung und der Ursprung der Landarbeiter in der älteren Theilen Preußens.* 2 Bände. Leipzig: Duncker & Humblot; *Fuchs C. J.* (1888). *Der Untergang des Bauernstandes und das Aufkommen der Gutsherrschaften: Nach archivalischen Quellen aus Neu-Vorpommern und Rügen.* Straßburg: Karl J. Trübner; *Wittich W.* (1896). *Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland.* Leipzig: Duncker & Humblot; *Ludwig Th.* (1896). *Der badische Bauer im achtzehnten Jahrhundert.* Straßburg: Karl J. Trübner; *Grünberg K.* (1893–1894). *Die Bauernbefreiung und die Auflösung des gutsherrlich-baurlichen Verhältnisse in Böhmen, Mähren und Schliesen.* 2 Bände. Leipzig: Duncker & Humblot. — *Прим. нем. изд.*

манориальной общности (manor community)?³¹ На западе и на юге земля перешла по большей части в руки крестьян (или же находилась у них и прежде), однако на востоке она в значительной своей части попала к прежним хозяевам крестьян, *Rittergutsbesitzer*³²; здесь получило распространение крупное сельскохозяйственное производство (gross cultures) на основе труда свободных наемных работников. Однако это было лишь следствием того факта, что единообразие аграрного строя исчезло еще до освобождения крестьян. Тем самым различия между западом и востоком лишь получили подтверждение, но не были созданы этим [исчезновением единообразия аграрного строя]. Эти различия в своей основе существовали начиная еще с XVI века, и с той поры только усиливались. Господское землевладение внутренне трансформировалось еще до своего исчезновения. Повсюду, как на востоке, так и на западе, побудительным мотивом было стремление помещиков увеличить свои доходы. Это желание укрепилось с вторжением капитализма, ростом благосостояния жителей городов и растущим спросом на сельскохозяйственную продукцию. Трансформации, произошедшие на западе и на юге, восходят отчасти к XIII веку, на востоке — к XV веку. Примечательны были те средства, с помощью которых землевладельцы пытались добиться своей цели. На юге и на западе они оставались именно землевладельческими, т. е. они увеличивали ставки аренды, процент и налоги на крестьян, но при этом не занимались сельскохозяйственным производством. На востоке они стали *Gutsherren*³³, землевладельцами-производителями; присвоили себе часть крестьянских земель (*legten Bauern*³⁴), обеспечив тем самым себе большие земельные владения, занялись сельскохозяйственным производством и стали использовать крестьян в качестве крепостных работников для обработки своей земли. Крупное сельскохозяйственное производство существовало там — но лишь в небольших масштабах и с использованием труда крепостных — еще до освобождения крестьян; на западе, однако, не было ничего подобного. Чем обусловлено это различие?

Когда обсуждают этот вопрос, большое внимание уделяют политическим действиям властей; вне всякого сомнения, они и в самом деле были серьезно заинтересованы в установлении определенного аграрного строя. Поскольку рыцарь был освобожден от уплаты налогов, единственным налогоплательщиком в стране оставался крестьянин. Когда возникли постоянные армии, крестьяне стали поставлять в них рекрутов. Это, в свою очередь, заставило растущее территориально государство, исходя из ряда соображений, продиктованных доктриной меркан-

31. Манор (англ. manor, от лат. *maneo* — остаюсь, проживаю) — феодальная вотчина в средневековой Англии. Типичный «манор» состоял из двух частей: домена, т. е. земли, на которой велось собственное хозяйство, и земли держателей — крепостных (вилланов) и свободных (фригольдеров). Обычно к манору относились также общинные земли, большая часть которых оставалась в общественном пользовании, но считались собственностью лорда манора.

32. Владелец дворянского поместья (нем.).

33. Господами-помещиками (нем.).

34. Согнали крестьян с земли (нем.). Такая практика присвоения помещиками крестьянской земли получила распространение в XVIII веке.

тилизма³⁵, с помощью эдиктов запрещать сгонять крестьян с земли (*Bauernlegen*), т. е. запретить захват господами крестьянской земли с тем, чтобы защитить существующие крестьянские хозяйства³⁶. Чем сильнее был правитель страны, тем большего успеха он добивался; чем сильнее была знать, тем меньше он преуспел. В соответствии с этим различия в аграрном строе на востоке в значительной степени были обусловлены данными обстоятельствами. Однако на западе и на юге мы обнаруживаем, несмотря на огромную слабость подавляющего большинства государств, несмотря на реально существовавшую возможность захватывать крестьянские земли, что землевладельцы к этому не стремятся. Они явно не демонстрируют желания лишать крестьян [земли], налаживать крупное сельскохозяйственное производство и самим становиться сельскохозяйственными производителями. И вовсе не имевшее важное значение оформление право крестьян на землю послужило тому решающей причиной. На востоке значительное число крестьян, изначально обладавших вполне добротными правами на землю, лишились этих прав; на западе же даже те, чьи права на землю оставляли желать лучшего, сохранили их, поскольку крупные землевладельцы вовсе не стремились лишить их таковых.

Решающий вопрос поэтому заключается в следующем: как случилось так, что землевладелец германского юга и запада, несмотря на то что у него была прекрасная возможность присвоить себе крестьянскую землю, не сделал этого, в то время как помещик востока лишил крестьян их земли, несмотря на сопротивление государственных властей?

Этот вопрос можно поставить и иначе. Западный землевладелец вовсе не отказался от использования крестьянской земли в качестве источника дохода тогда, когда он отказался от ее присвоения. Различие заключается исключительно в том, что он использовал крестьян как налогоплательщиков, тогда как землевладелец на востоке, став *Gutsherr*³⁷, начал использовать крестьян в качестве рабочей силы. Поэтому необходимо задать следующий вопрос: почему там — одно, а здесь — другое?

Как и в случае с большинством исторических процессов, здесь вряд ли можно отыскать какой-то один-единственный мотив, который послужил бы определяющей причиной подобного различного поведения землевладельцев; ведь в этом случае мы могли бы наткнуться на эту причину в источниках. Поэтому в качестве объяснения была предложена довольно длинная последовательность отдельных

35. Меркантилизм (от *лат.* mercor —покупаю и производных от него *англ.* и *франц.* mercantile — торговый) — экономическая политика европейских правительств эпохи абсолютизма, отличающаяся широким вмешательством государства в хозяйственную жизнь и стремлением к накоплению в стране денег и драгоценных металлов. В области экономической политики в ряде европейских стран (в частности, во Франции и Германии) меркантилизм был связан с созданием фабрик и мануфактур, обеспечивающих потребности государства.

36. Прусский король Фридрих II Великий издал в 1749 и 1764 годах законы, запрещавшие превращать крестьянские земли в помещичьи. — *Прим. нем. изд.*

37. Помещиком (*нем.*).

причинных факторов, в частности профессором фон Беловым в его классическом исследовании, представленном в книге «Territorium und Stadt»³⁸. Единственное, что здесь напрашивается — можно ли добавить еще что-то к этим точкам зрения, например, опираясь на экономические соображения. Давайте посмотрим, каковы были различия между условиями, в которых землевладелец на западе и на востоке пытался выжать из своих крестьян нечто большее, чем традиционные налоги.

Утверждение крупного хозяйства облегчалось для землевладельцев на западе тем, что как господское землевладение (landlordship), так и процессы патримониализации публичной власти³⁹ развивались здесь постепенно на земле давних традиций свободы народа: восток, напротив, представлял собой колонизируемую территорию. Патриархальный славянский социальный строй⁴⁰ был выстроен немецкими священниками в силу превосходства их образования, немецкими купцами и ремесленниками в силу превосходства их технических и коммерческих навыков, немецкими рыцарями в силу превосходства их военной техники и немецкими крестьянами в силу их превосходства при ведении сельского хозяйства. Более того, в момент завоевания востока германский социальный строй, наряду с политическими силами, был полностью феодализован⁴¹. Социальный строй на востоке с самого начала был приспособлен к социальному господству рыцаря, и германское вторжение не слишком изменило это положение дел. Германский крестьянин, даже при самых благоприятных условиях колонизации, в том числе и в феодальный период, утратил поддержку, которую давали ему на западе прочные традиции, старая добрая взаимная защита и юрисдикция сообщества в *Weis-*

38. *Below G. von* (1900). *Territorium und Stadt: Aufsätze zur Verfassungs-, Verwaltungs- und Wirtschaftsgeschichte*. München: R. Oldenburg.

39. Патримониальная власть, по Веберу, — это такая форма традиционного господства, которая изначально ориентирована традиционно, но реализуется в силу полночного личного права с опорой на личный штаб управления.

40. В литературе той поры, в особенности у Августа Мейцена, к числу «характерной формы народного бытия» славян относится «податливое подчинение руководящему... отцовскому принуждению главы семьи». С переходом земельной собственности в руки многочисленной аристократии для подавляющего большинства крестьянского населения получают развитие разнообразные формы зависимости вплоть до полного закрепощения и рабства. *Meitzen A.* (1896). *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slaven*. Bd. 2. Berlin: Wilhelm Herz. S. 271f. — *Прим. нем. изд.*

41. Под «феодализмом» Вебер понимает такую исторически редкую форму социального строя и политического господства, которая была характерна для ряда Западной Европы в Средние века и для Японии до революции Мэйдзи (1868). Ее отличительными чертами являются закрепленные контрактом отношения господина и ленников, в основе которых лежит принцип верности последних своему господину. «Присвоению государственных, денежно-хозяйственных фискальных прав на Востоке противостоит на Западе (и в Японии) *натурально-хозяйственная феодальная система*, возникновение господской собственности путем пожалования ленов. Обычное следствие феодальной системы — образование всаднического, рыцарского сословия, благодаря передаче земельных владений и господских прав людям, которые готовы взять на себя вассальные обязанности. Феодальная система встречается в двух формах, в зависимости от того, передается ли господская власть как *пребенда* или как *лен*» (Вебер. *История хозяйства*. Город. С. 76).

*tümer*⁴². Как правило, более многочисленное славянское население знать не знало этих традиций. Помимо всего прочего на западе те земельные участки, из которых состояла господская земельная собственность, регулярно перемежались с другими даже в отдельных деревнях в силу того, что они постепенно распространялись на землю, которая первоначально была свободной; поэтому эти владения повсюду пересекались с патримониальными правами мелких землевладельцев и потому смягчались, в силу их разнообразия и взаимных конфликтов, непростое существование крестьянина; нередко случалось так, что крестьянин политически, лично и экономически был подчинен самым различным господам. На востоке как земля, так и патримониальные права в отношении деревни в целом находились обычно в руках одного и того же господина; образование «манора», в английском смысле этого слова⁴³, систематически облегчалось тем, что здесь намного чаще, и притом с самого начала, в деревенской округе утверждалась или же изначально существовала здесь со времен славянского социального строя резиденция только одного рыцаря. Наконец, существует еще один важный социальный фактор, на котором профессор фон Белов совершенно справедливо заостряет наше внимание: владения рыцарей на востоке, хотя изначально они были значительно меньше всей той земли, что принадлежала деревне, оказывались тем не менее обычно значительно больше, чем аналогичные [владения] на западе⁴⁴. Поэтому расширение обрабатываемых земель в своих владениях было для господина не только делом более простым, чем на западе, но и сама эта идея чаще приходила ему в голову. Таким образом, в том, что касается метода распределения земли, это была первая побудительная причина дифференциации между западом и востоком, существовавшая с самого начала. Однако эта разница в размере исходного землевладения сельского господина была связана (в том, что касалось его причин) с неодинаковыми экономическими условиями на западе и на востоке — а потому даже в Средние века имели место довольно существенные различия в среде правящего социального класса.

Запад был более плотно населен, но определяющим, по нашему мнению, было то, что местные пути сообщения, обмен материальными благами внутри небольших местных сообществ и между ними, были значительно более развиты, чем на востоке. Это становится очевидно, исходя из того, что на западе было намного больше городов. Причинами этого можно считать отчасти тот простой исторический факт, что культура запада была во всех отношениях более древней, а отчасти — менее очевидное, но важное географическое различие, а именно большее разнообразие сельскохозяйственного производства на западе по сравнению с востоком. Если смотреть на вещи с чисто технической точки зрения, то передвиже-

42. Речь идет о сохранившихся вплоть до раннего Нового времени нормах обычного права, которые изначально подтверждались на общинных сходах и в судах и получали название указаний (*Ofnung, weisen, Weistum*).

43. См. выше сн. 31.

44. *Below. Territorium und Stadt. S. 1–94, особенно S. 30. — Прим. нем. изд.*

ние (communication)⁴⁵ на обширных равнинах Германского востока должно было сталкиваться с меньшими помехами, чем на более пересеченной и неоднородной территории запада. Однако эти технические возможности передвижения не определяли объема обмена; совсем наоборот, поскольку на западе и на юге почвы, долины рек, плоскогорья были перемешаны, климат и другие естественные условия производства материальных благ очень сильно различались внутри малых районов, экономические импульсы к торговле, к развитию более интенсивного сообщения были здесь значительно сильнее, чем на обширных равнинах востока, где соседним городам было зачастую просто-напросто нечем обмениваться друг с другом (впрочем, подобного рода ситуация имеет место еще и поныне), поскольку все они производили одни и те же материальные блага вследствие большего единообразия производства, обусловленного географической ситуацией. По этим причинам исторические и природные условия интенсивной местной торговли оказались (и остаются еще и сегодня) более благоприятными на западе.

Заслугой профессора Белова является то, что он обратил наше внимание на следующий факт: в Средние века опорой власти рыцарства на западе не было владение землей — ни исключительно, ни даже по большей части. Играли роль налоги, таможенные сборы, рентные платежи и подати, зависевшие от определенного объема местной торговли⁴⁶. Подобная ситуация в то время (как, впрочем, еще и сейчас), вне всякого сомнения, была менее вероятна на востоке. Тот, кто хотел жить здесь как рыцарь, должен был полагаться на доход, извлекаемый из занятий сельским хозяйством. Существование таких крупных организаций, занимавшихся производством материальных благ и внешней торговлей, как «Тевтонский орден»⁴⁷, лишь подчеркивают правило: однородный характер производства на востоке подталкивал к отправке продукции в более отдаленные регионы, в силу чего местная денежная экономика была здесь по всем признакам менее развита, чем на западе. Если возможные и очень неточные оценки хотя бы приблизительно верны, то, видимо, и условия существования крестьян на западе и на востоке сильно различались. Весьма невысока вероятность, чтобы господин занялся бы сельскохозяйственным производством со всеми его сложностями, рисками и не особо ему подобающими контактами с миром торговли, если он как на востоке, так и на западе мог прекрасно жить на налоги, подати, уплату десятины и рентные платежи с крестьян. Однако мы можем выдвинуть предположение, почему выбор такого образа жизни не имел равных шансов на востоке и западе: для того, чтобы он был возможен, крестьяне должны были быть способны в экономическом плане платить налоги в довольно большом размере, по крайней мере достаточном для

45. Питер Гош в своей публикации доклада Вебера в Сент-Луисе настаивает на прочтении этого термина не как «communication» («сообщение», «пути сообщения»), но как «commerce» («торговля», «коммерция») (*Ghosh. Max Weber on the «Rural Community»*. P. 358).

46. *Below. Territorium und Stadt*. S.113 и далее. — *Прим. нем. изд.*

47. «Тевтонский орден» (лат. полное название — *Ordo Domus Sanctae Mariae Teutonicorum*), Немецкий орден (*Deutscher Orden*), Орден крестоносцев (*Kreuzritterorden*) — немецкий духовно-католический орден, основавший военно-колониционное государство в Восточной Европе (XIII в. — 1525).

того, чтобы покрывать потребности их господина-землевладельца; что, однако, вовсе не самоочевидно. Чтобы крестьянин мог это делать, необходимо, чтобы его личный интерес к получению отдачи от его земли был довольно высок, а также чтобы он имел определенный уровень экономического образования. При получении этого образования ничто не могло и не может заменить влияния на крестьянина, развития городских сообществ, влекущего тесное общение на местном уровне, возможность и потребность продавать сельскохозяйственную продукцию на местных рынках. Огромные различия в этих условиях можно наблюдать еще и сегодня, сравнивая крестьянина Баденской равнины с крестьянином востока.

Не природное различие физических и химических качеств почвы, и не различие экономического таланта рас, но исторически сложившаяся экономическая *milieu*⁴⁸ определяет фактор различных результатов крестьянского сельского хозяйства.

Некоторое количество городов, находящихся в данной округе, требовалось для того, чтобы создать у массы крестьян известный интерес к производству так, чтобы господин получил возможность брать с них те средства, которые были необходимы ему для жизни, таким образом используя своих крестьян в качестве «источника ренты» (*funds for interest*). Там, где эти культурные влияния, которые невозможно заменить ни самым упорным трудом, ни доброй волей, отсутствовали, у крестьянина не обнаруживалось ни возможности, ни, главное, стимула для увеличения со своей земли дохода, выходящего за рамки того, что традиционно требовалось ему для покрытия своих потребностей.

Однако если сравнивать по числу и размерам, то города на востоке существенно уступали городам на западе и на юге. Более того, развитие крупного сельскохозяйственного производства на востоке относится к эпохе, которая отмечена не подъемом, а упадком городов, и притом довольно заметным. Именно обильным урожаям зерновых восток обязан своим превращением в территорию экспортно ориентированного сельскохозяйственного производства, со всеми присущими ему характерными особенностями. Эта ориентация достигла своей кульминации после отмены хлебных законов в Англии⁴⁹. С другой стороны, некоторые регионы на западе еще с конца Средневековья нуждались в импорте больших объемов продовольствия, в особенности крупного рогатого скота. Эта противоположная тенденция наиболее явно прослеживается при сравнении цен практически на всю продукцию сельского хозяйства на востоке и на западе в пользу последнего; это различие было устранено лишь позднее путем введения скрытых надбавок, связанных с зерновым экспортом⁵⁰, которыми мы пользовались на протяжении

48. Среда (*франц.*).

49. Хлебные законы были отменены в феврале 1846 года правительством Роберта Пиля.

50. Отмена в 1894 году обязательства подтверждать тождество товара значительно способствовала экспорту зерна в Германской империи. Изначально возвращение таможенной пошлины осуществлялось только при подтверждении тождественности вывезенного товара с ранее ввезенным товаром, например, при дальнейшей переработке сырья или полуфабрикатов. После отмены этого обязательства при экспорте зерна выплачивалось вознаграждение в размере действующей пошлины на зерно

целого десятилетия. Несмотря на то что железные дороги отчасти стерли это различие, в середине прошлого века они оставались довольно велики. Ненадежные источники по истории германской нумизматики, наряду с другими трудностями технического характера, не дают нам возможности собрать достаточное количество полноценных данных по Средним векам, однако представляется маловероятным, что они сильно отличались в тот период, несмотря на сильные колебания в отдельных случаях.

Таким образом, если земельный собственник желал более интенсивно эксплуатировать своих крестьян, то на востоке его план использовать их в качестве источника ренты сталкивался с большими трудностями, в силу традиционной неразвитости крестьян, слабости местных рынков сельскохозяйственной продукции и более низкой интенсивности сообщений (*communication*). Я намереваюсь приписать этому обстоятельству намного более важное значение (конечно же, только в форме гипотезы, которая еще требует проверки с использованием источников), чем это было, насколько мне известно, принято делать до сих пор. Землевладелец на востоке избрал метод обработки своих собственных земельных владений не потому, что крупное производство было более рациональным с технической точки зрения — поскольку то же самое было бы верно и для запада, — но потому, что этот метод в сложившихся исторических условиях оказался единственно возможным средством добиться более высокого дохода. Он стал хозяйствующим владельцем земли, тогда как крестьянин, все прочнее и прочнее привязанный к земле, становился крепостным, обязанным отдавать своих детей господину в качестве слуг, предоставлять для нужд его хозяйства своих лошадей и телеги, целый год трудиться на него на самых разных работах, в то время как его собственная земля все больше и больше выступала своего рода вознаграждением за его труды. Несмотря на сопротивление государства, господин постоянно расширял размеры обрабатываемых земель. Когда впоследствии пришел час освобождения крестьян, господское землевладение на востоке Германии не было изъято, как это произошло 4 августа во Франции⁵¹, из аграрного строя⁵². И не только потому, что нуждающиеся

в форме таможенных сертификатов, которые можно было использовать при импорте зерна, чая, кофе, нефти и других колониальных товаров, не выплачивая ввозную пошлину. Эта система приводила к непрямой поддержке экспорта зерна. Кроме прочего, об этом см.: *Lexis W.* (1900). *Identitätsnachweis // Conrad J., Elster L., Weber A.* (Hrsg.). *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*. 2. Aufl. Bd. 4. Jena: Gustav Fischer. S. 1315–1320. — *Прим. нем. изд.*

51. В ночь на 5 августа 1789 г. депутаты Учредительного собрания Франции, включая священников и дворян, выступили за отмену сословных привилегий. Обсуждение конкретных статей соответствующего декрета заняло несколько дней — с 6 по 11 августа. Декретом безвозмездно отменялась личная зависимость крестьян от их господ, равно как и обязанности, вытекавшие из этой зависимости. Была отменена церковная десятина и такие привилегии дворянства, как право охоты и рыбной ловли, а также право содержания голубей и кроличьих садков. Однако в то же самое время повинности, вытекающие из первоначальной уступки господами-землевладельцами земли крестьян в давние времена, подлежали выкупу на условиях, которое собрание обещало определить позднее.

52. 14 сентября 1811 г. прусское правительство Гарденберга приняло закон об «урегулировании» отношений между помещиками и крестьянами. По закону крестьяне могли освободиться от личной зависимости от помещиков за большой выкуп и передачи помещику $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ своей земли. В 1816 г.

государство с недостаточно развитой промышленностью еще не было готово отказаться от даровых услуг [этого господского сословия] на гражданской службе и в армии, но и прежде всего потому, что декрет об отмене феодальных прав там, где господин и крестьянин составляли две стороны одной производственной общности, не решал самого важного вопроса — судьбы земли, которая считалась находящейся в руках землевладельца-господина, а не крестьянина. Просто объявить эти земли крестьянской собственностью, как это было сделано позднее в русской Польше в политических целях, ради подрыва власти польской знати⁵³, — привело бы к разрушению в Пруссии порядка двадцати тысяч больших сложившихся хозяйств, то есть всего того, чем страна располагала на тот момент; в отличие от Франции, это затронуло бы не только класс получателей ренты. Поэтому только часть крестьян — зажиточных землевладельцев и только часть их земли была спасена от захвата господами-землевладельцами, тогда как ее оставшаяся часть была присвоена этими последними.

Восток продолжал, и чем дальше, тем больше, быть тем местом, где развивался аграрный капитализм, тогда как промышленный капитализм — в основном на Западе. Это развитие останавливается на русской границе, которая вклинивается в восточную часть страны⁵⁴, так что крупная промышленность, которая могла бы появиться на востоке, теперь развивается в непосредственной близости от границы русской Польши⁵⁵.

Возникший в этих условиях прусский *Rittergutsbesitzer* социально сильно отличался от английского лендлорда. Английский лендлорд обычно владелец-арендодатель земли, а не сельскохозяйственный производитель. Его арендаторами являются не крестьяне, но капиталистические предприятия, занятые обработкой

условия выкупа крестьянами своих повинностей были уточнены. Выкуп разрешался только тем крестьянам, которые имели свою землю и упряжку лошадей.

53. Макс Вебер в данном случае имеет в виду политику упразднения шляхетского землевладения и передачи земель польских дворян их крестьянам, т. е. так называемую «красную программу», предложенную царю Александру II Н. А. Милютиным и проводившуюся в период польского восстания 1863 г. в западных губерниях Российской империи. Был введен обязательный выкуп наделов по пониженным ценам, которые становились собственностью крестьян. Все повинности крестьян по отношению к помещикам были отменены. Первоначально эта политика проводилась в Литве и Северо-Западном крае, но затем была распространена на Правобережную Украину с крупным шляхетским помещичьим землевладением. Эта политика имела большой успех, поскольку способствовала отходу крестьянских масс от поддержки польских повстанцев. «Освобождение польских крестьян, как общее правило, было осуществлено русским правительством против польского дворянства, которое было главной силой восстания 1863 г. Таким образом надеялись привязать крестьян к русской политике. Поэтому при урегулировании поземельных отношений принимались во внимание исключительно заявления крестьян. Освобождение было фактически ограблением польского дворянства; в особенности повели отсюда начала многочисленные крестьянские сервитуты в лесах и пастбищах» (Вебер. История хозяйства. Город. С. 115).

54. Вебер имеет в данном случае в виду Германскую империю в границах 1871 г. Территория прибалтийских губерний Российской империи резко вклинивалась в территорию, занимаемую Германской империей, охватывая Восточную Пруссию не только с востока, но и с юга.

55. По решению Венского конгресса 1815 г. большая часть земель созданного Наполеоном I герцогства Варшавского была передана Российской империи под названием Царства Польского.

земли. Он выступает в качестве монопольного владельца земли, собственность, находящаяся в его владении, удерживается в семье с помощью искусного юридического механизма под названием «entails»⁵⁶, который, подобно современным капиталистическим монополиям, родился в непрерывной законодательной борьбе; он предотвращает обращение [земли], наложение обязательств и ее разделение по акту завещания. Лендлорд не является членом сельской производящей общности, при случае он может ссудить своих арендаторов деньгами, но в остальном он наслаждается своим безмятежным существованием в качестве арендодателя. В качестве социального продукта он — истинное дитя капитализма, появившееся на свет в результате вышеотмеченных противоположных следствий, которые капитализм порождает в густонаселенных странах с аристократическим социальным строем. «Земельный аристократ» желает жить как английский джентльмен в праздном времяпрепровождении. Обычно он стремится получать ренту, а не прибыль. Технически достаточный размер земельного владения и размер состояния, необходимые для его поддержания, никоим образом не находятся в гармонии друг с другом; интенсификация сельскохозяйственного производства в германских землях, к примеру, требует раздробления собственности; рост роскошного потребления аристократического класса требует ее расширения, в особенности в ситуации падения цен на сельскохозяйственную продукцию. Всякая покупка, всякая компенсация наследникам ложится на состояние тяжким долговым грузом; в то же самое время операции с состоянием по мере увеличения их масштаба и интенсивности становятся все более чувствительными к колебаниям конъюнктуры. Только при таком аграрном строе, как английский, удается избежать подобного развития событий, которое, в сочетании с возросшей плотностью населения и растущей стоимостью земли, сегодня повсюду несет с собой угрозу крупному сельскохозяйственному производству, и все это — вместо государственной монополии на землю, установления которой требуют многие реформаторы⁵⁷. На деле восторжествовала другая крайность — частная монополия на землю. Однако частная монополия на землю производит, в определенных экономических аспектах, последствия, сходные с теми, что порождает государственная монополия; она препятствует обращению земли и отделяет ее обработку от владения ею. Каждый теперь может двигаться своим собственным путем. Интерес капиталистического фермера, состоящий в стремлении к получению предпринимательской прибыли, и интерес землевладельца, состоящий в получении ренты за пользование землей и стремлении сохранить унаследованное социальное положение, идут параллельными курсами, нигде не пересекаясь друг с другом, что отличает их от свободных

56. Юридический акт, закрепляющий порядок наследования земли без права отчуждения (*англ.*). Лежит в основе так называемого «майоратного владения».

57. В конце XIX века в США и Англии, а также в Германии возникли реформистские движения, приверженцы которых видели в частной собственности причину всех социальных проблем, а способ их решения видели в национализации всей земли государством и в упразднении частнособственнической земельной ренты. В Германской империи с этой целью в 1898 г. был основан «Союз немецких земельных реформаторов» (*Bund der Deutschen Bodenreformer*). — *Прим. нем. изд.*

владельцев земли, занятых сельскохозяйственным производством. Практическим следствием всего этого является то, что степень приспособляемости хозяйств к сельскохозяйственным кризисам сильно увеличивается. Их тяжесть падает на плечи земельного монополиста и капиталистического лендлорда⁵⁸. Кризис находит свое выражение в понижении ренты, а также в потенциальной смене арендатора, в постепенном сокращении площади обрабатываемых земель, но не во внезапном разорении массы сельскохозяйственных имений или социальной деградации массы владеющих землей семейств.

Совершенно иные условия у восточного прусского *Junker*'а⁵⁹. Он является сельским работодателем, человеком совершенно буржуазного типа, оцениваемого по размерам его состояния и дохода. Редко когда он владеет участком земли, в 1,5–2 раза превышающим «земельный участок» в американской системе координат⁶⁰; однако традиция наделила его тягой к ведению светской жизни и аристократическими потребностями. Обычно он свободный собственник земли, которую он обрабатывает и которая продается и закладывается, оценивается по завещанию и приобретается в целях выплаты компенсации сонаследникам — так что она постоянно заново нагружается текущими процентам. По этой причине только собственник испытывает колебания рыночных цен; он оказывается вовлеченным во все экономические и социальные конфликты, прямо угрожающие его существованию. Пока экспорт зерна в Англию процветал, он был рьяным сторонником свободы торговли и яростным противником молодой германской промышленности на западе, которая нуждалась в протекционистских мерах защиты. Однако как только конкуренция более молодых стран с более дешевыми товарами потеснила его с мирового рынка, а затем атаковала его в его собственном доме, он стал главным союзником тех производителей, кто, в отличие от некоторых других отраслей немецкой промышленности, стал требовать введения протекционистских мер⁶¹; здесь он присоединился к ним в общей борьбе против требований трудящихся. А тем временем капитализм разъедал социальный характер *Junker*'а и его работников. В первой половине прошлого века *Junker* был сельским патриархом. Его работники, крестьяне, чью землю он захватил ранее, никоим образом не пред-

58. Питер Гош настаивает на том, что в данном случае выражение «landlord» не годится, поскольку лендлорд и является земельным монополистом, тогда как в рамках данной пары второй ее участник представляет собой арендатора или сельского хозяина (Landwirt) (Ghosh. Max Weber on the «Rural Community». P. 362).

59. Юнкер, прусский помещик-землевладелец (нем.).

60. В США «отрезок» (section) соответствует 259 гектарам. — Прим. нем. изд.

61. Начиная с середины 1870-х гг. в связи со структурным экономическим кризисом, обусловленным интенсификацией мирового рынка, в Германской империи набирает обороты движение за введение защитных пошлин. Одними из наиболее последовательных проводников этой идеи были магнаты сталелитейной промышленности, которые наряду с аграриями видели в высоких таможенных тарифах средство защиты рынка от дешевой импортной продукции. Отрасли обрабатывающей промышленности, напротив, были заинтересованы в более низких ценах и тем самым — в более низких пошлинах на импорт продукции сталелитейных предприятий, равно как и в более низких ценах на продовольствие, поскольку высокие пошлины на импорт сельскохозяйственной продукции подстегивали рост заработной платы. — Прим. нем. изд.

ставляли собою пролетариев. Из-за бедности *Junker*'а они получали не зарплату, а дом⁶², землю и пастбище для выпаса скота, а в страдную пору и во время молотбы — определенную долю зерна в натуральной форме и т. д. Таким образом, они были мелкими сельскохозяйственными производителями, прямо заинтересованными в работе на хозяйство своего господина. Однако повышение стоимости земли привело к экспроприации: их господин оставил за собой пастбища и землю, забрал зерно, а вместо этого стал платить им заработную плату. Тем самым старая общность, скрепленная интересом (*the old community of interest*), распалась, а работники превратились в пролетариев. Сельскохозяйственное производство стало сезонным, ограниченным несколькими месяцами. Господин нанимает странствующих поденщиков, поскольку содержать не занятых трудом работников на протяжении всего года становится слишком накладно.

Чем стремительнее германская индустрия на западе достигала своих нынешних высот, тем сильнее население претерпевало колоссальные изменения; эмиграция достигла своей кульминации на германском востоке, т. е. там, где на весьма обширных пространствах существовали только господа и зависимые от них крестьяне и откуда сельскохозяйственные рабочие в надежде избавиться от своей изоляции и патриархальной зависимости бежали или за океан, в Соединенные Штаты Америки, или же поближе к дыму фабричных труб немецких заводов, который одновременно был для них воздухом свободы. С другой стороны, владельцы имений для выполнения необходимых им работ привлекали кого только могли, в основном славян, приходивших с той стороны границы⁶³ и в силу дешевизны своего труда вытеснявших немцев. Собственник имения ведет себя сегодня так же, как и любой другой предприниматель, и он вынужден так поступать, пусть его аристократические традиции и идут вразрез с подобным образом действий. Он желал одновременно быть и лендлордом и коммерческим предпринимателем и буржуа (*civilian*). Хотел он того или нет, но эти другие [буржуазные] силы подталкивали его к отказу от роли лендлорда⁶⁴.

Промышленные и торговые капиталисты начинают всё больше и больше осваивать землю. Разбогатевшие промышленники и торговцы покупают господские имения, привязывают новые владения к своей семье посредством института *feoffment in trust* (или *entails*)⁶⁵ и используют свои земельные владения с целью вхождения в аристократические круги. Подобный *fideicommissum*⁶⁶ *парвеню* является

62. В данном случае Вебер употребляет понятный для американского слушателя термин «*homestead*» — усадьба, ферма, земельный участок с домом.

63. То есть из Варшавского генерал-губернаторства, или Привисленских губерний, входивших в ту пору в состав Российской империи.

64. Данный круг вопросов, связанных с будущим Германии и намеченный здесь только пунктиром, Вебер подробно обсуждает в своей лекции «Национальное государство и народнохозяйственная политика», прочитанной в 1895 году при вступлении в должность профессора Фрейбургского университета.

65. Имеется в виду дарение недвижимости в доверительное управление.

66. Фидеикомисс (*лат.*). В римском праве — вид завещания, в котором завещатель доверял наследнику совершить определенные действия в отношении третьего лица, которое не обладало пас-

одним из характернейших продуктов капитализма в старой стране с аристократическими традициями и военной монархией. На германском востоке сейчас происходит то, что происходило в Англии на протяжении столетий, пока там не сложились нынешние условия. То же самое суждено будет в будущем испытать и Америке после того, как фонд свободных земель будет исчерпан и экономическая лихорадка начнет выдыхаться.

Хотя и верно говорится, что груз исторической традиции не тяготеет над Соединенными Штатами и что проблемы, порожденные властью традиции, им неведомы, тем не менее последствия власти капитализма здесь еще сильнее, и рано или поздно они дадут о себе знать, приведя к развитию земельных монополий. Когда земля станет достаточно дорогой для того, чтобы с нее можно было бы получать определенную ренту, когда накопление больших состояний достигнет еще более грандиозных масштабов, нежели сегодня, когда в то же самое время возможности получать соразмерные ренте прибыли путем постоянного осуществления новых вложений в торговлю и промышленность сократятся настолько, что «капитаны промышленности», как это уже случилось повсюду в мире, начнут стремиться к наследственному сохранению своих состояний вместо того, чтобы делать новые вложения, — тогда, вне всякого сомнения, у капиталистических семей появится желание стать «знатью», если не по форме, то по факту. Представители капитализма больше не будут ограничиваться такой безобидной игрой, как составление генеалогий, и многочисленными выходками, призванными подчеркнуть их социальную исключительность, которые столь изумляют иностранца. Только тогда, когда капитал ляжет на этот курс и начнет в больших масштабах монополично присваивать землю, перед Соединенными Штатами встанет серьезный аграрный вопрос, который, в отличие от вопроса о рабстве, нельзя будет разрешить мечом⁶⁷. Индустриальные монополии и трасты являются институтами с ограниченным сроком жизни; условия производства претерпевают изменения, а рынок не знает постоянства в том, что касается определения стоимости. Помимо всего прочего их власть лишена авторитарного характера и не несет на себе политического аристократического отпечатка. Монополия же на землю неизбежно создает политическую аристократию.

Что же касается Германии, то на востоке постепенно началось движение в сторону установления английских порядков, обусловленное [определенными] тенденциями развития, в то время как запад и юг Германии демонстрируют черты

сивной завещательной способностью. «Арабы перенесли институт фидеикомисса в Испанию, откуда его заимствовали Англия и Германия. В Англии против него поднялся протест, но юриспруденция выработала эквивалент в форме *entails*. Так назывались участки, которым особый договор гарантирует неотделимость и неотчуждаемость при переходе от одного поколения к другому, так что исключается изменение порядка владения ими на время жизни землевладельцев. Таким образом в Англии большая часть земли сосредотачивалась в руках небольшого числа семей, между тем как в Пруссии еще недавно на положении фидеикомиссов находилась одна шестнадцатая часть земли. Во Франции фамильные договоры влияют в сходном направлении» (Вебер. История хозяйства. Город. С. 116).

67. Вебер имеет в виду Гражданскую войну в США (1861–1865). — Прим. нем. изд.

сходства с Францией в том, что касается социального устройства села. Однако в общем и целом интенсивное животноводство английского типа невозможно на немецком востоке из-за климата, поэтому капитал притягивают только пригодные для сельскохозяйственного производства земли. Однако в то время как худшие районы в Англии используются в качестве пастбищ для овец, на востоке Германии на них селятся мелкие сельскохозяйственные производители. Процесс этот имеет свою специфику, поскольку две нации, германцы и славяне, борются друг с другом экономически. Польские крестьяне, которые имеют более скромные потребности, чем немецкие, судя по всему, одерживают верх.

В то время как под давлением конъюнктуры непривлекательный славянский мелкий сельскохозяйственный производитель отбирает землю у немецкого, преимущественно, которое на протяжении Средних веков было основано на превосходстве более старой и высокой культуры, на востоке в условиях господства капиталистического принципа «дешевых рабочих рук», изменилось в прямо противоположную сторону. Придется ли Соединенным Штатам в будущем столкнуться со сходными проблемами, вряд ли кто возьмется предсказать. Уменьшение размаха сельскохозяйственного производства в производящих пшеницу штатах США в настоящее время происходит за счет увеличения его интенсивности и углубления разделения труда. Однако одновременно растет число ферм, принадлежащих чернокожим, а также миграция из сельской местности в города. Если в силу этих причин способность к экспансии англо-саксонско-германских поселенцев в сельских районах, равно как и число детей у старого, оседлого населения имеют тенденцию к снижению, и в то же самое время колоссальные масштабы принимает иммиграция нецивилизованных элементов из Восточной Европы, то растет вероятность увеличения сельского населения, которое не будет ассимилировано посредством усвоения им исторически сложившейся культуры этой страны; это население изменит раз и навсегда облик Соединенных Штатов и постепенно создаст сообщество совершенно иного типа, отличного от великого творения англосаксонского духа.

Что касается Германии, то все судьбоносные вопросы нашей экономической и социальной политики, а также наши национальные интересы тесно связаны с контрастом между аграрным строем востока и запада, а также с его последующим усилением. Обсуждать здесь, за границей, практические шаги, отсюда вытекающие, я не считаю целесообразным. Судьба, которая одарила нас тысячелетней историей, страной с высокой плотностью населения и многовековой культурой, которая заставляет нас оберегать ее величие, так сказать, во всеоружии, поставила перед нами эти проблемы. Мы должны справиться с ними.

Дружественная нация, гостями которой мы являемся, пока еще не сталкивалась с подобными проблемами; с некоторыми из них эта нация скорее всего никогда и не столкнется. Здесь нет старой аристократии; по этой причине не существует противоречий между авторитарной традицией и чисто коммерческим характером современной экономики. Эта нация с полным правом радуется приобретению

огромной территории, в центре которой мы сейчас находимся⁶⁸, как реальной исторической заслуги, запечатленной в ее демократических институтах; без такого приобретения, имея дело с могущественными и воинственными соседями, эта нация была бы вынуждена постоянно «держат порох сухим», подобно нам, хранящим в ящике письменного стола приписное свидетельство на случай войны. Однако, с другой стороны, Америке в обозримом будущем придется столкнуться с целым сонмом проблем, над решением которых мы работаем в настоящее время; способ их решения определит характер будущей культуры этого континента. Возможно, никогда прежде в истории никому не удавалось столь легко стать великой цивилизованной нацией, как это удалось американскому народу. Однако по всем человеческим расчетам мы живем в последнюю эпоху, когда человечеству будут предоставлены условия для свободного и великого развития, поскольку свободные земли близки к исчерпанию повсюду в мире.

Один из моих коллег процитировал здесь слова Томаса Карлейля: «Тысячи лет прошли, прежде чем ты смог обрести жизнь, и еще тысячи грядущих лет ждут в ожидании, что ты с этой жизнью сделаешь»⁶⁹. Я не знаю, может, и будет отдельный человек, как думал Карлейль, сверять свои действия с этим чувством. Однако нация должна поступать именно так, если она хочет, чтобы ее существование в истории имело непреходящую ценность.

The Relations of Rural Community to Other Branches of Social Sciences

Max Weber

Timofey Dmitriev (translator)

Associated Professor, Faculty of Humanities, National Research University — Higher School of Economics

Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: tdmitriev@hse.ru

This publication is the translation of the speech “The Relations of the Rural Community to Other Branches of Social Sciences” given by Max Weber at the International Congress of Arts and

68. По договору, заключенному между Францией и США в мае 1803 года, Франция за 15 миллионов долларов продала США всю территорию Луизианы западнее реки Миссисипи вплоть до Скалистых гор общей площадью 2,6 млн км². Благодаря этой сделке территория Соединенных Штатов увеличилась почти вдвое.

69. В подобной форме цитата не присутствует в сочинениях Томаса Карлейля. Она была приписана Карлейлю в докладе о «проблемах этики» немецкого философа и исследователя творчества Карлейля Пауля Гензеля (Paul Hensel), сделанного на конгрессе в Сент-Луисе. См.: *Rogers H. J. (ed.). (1905). Congress of Arts and Science: Universal Exposition. St. Louis 1904. Vol. 1. Boston: Houghton, Mifflin and Co. P. 403–414. — Прим. нем. изд.*

Science in St. Louis (Missouri, USA) in September, 1904. In this speech, Weber examines several prevailing themes that are characteristic for his understanding of modernity. The first of them — the narrowest one — is related to the transformation of the agrarian sector of Germany, and the significance of the “agrarian question” for the historical destinies of the German nation in the context of differences between the east, west, and south regions of the country. The second important topic of the speech is the analysis of the general dynamics in the formation and development of modernity in Europe against the backdrop of the confrontation between two structural principles, defined by Weber as “tradition” and “capitalism”. Finally, the third prevailing topic covered in the speech is a comparative analysis of European and American modernity, substantiated by the German classic in the shape of comparative historical sociology.

Keywords: Max Weber, rural constitution, tradition, capitalism, modernity, the German Empire, the United States of America, Europeanization, Americanization